

Маджид бен Абдель Азиз ат-Турки – политолог, профессор, специалист по проблемам Ближнего Востока, России и СНГ, советник ряда министерств Королевства Саудовская Аравия, глава Фонда российско-арабских исследований и информации

Аравийский полуостров и зона Персидского залива: центры силы и конфликтные очаги – актуальная повестка дня

Региональные изменения, происходящие на севере Аравийского полуострова, являются решающим этапом процесса преобразований, затрагивающих весь арабский регион и напрямую влияющих на безопасность стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Поэтому нынешняя фаза конфликта и региональных изменений испытывает на себе различного рода внешние влияния, способные решающим образом воздействовать на эти процессы. Налицо ситуация, в которой взаимодействуют собственно воля народа, международные интересы и региональные амбиции – особенно после того, как международные силы не смогли взять под контроль преобразования ни в Египте, ни в Тунисе, где события развивались по собственному сценарию. Исключение составила только Ливия. Поэтому на севере Аравийского полуострова международные силы применяют другой метод, ориентированный на между-

народные интересы, интересы Израиля и – в перспективе – Ирана. Этот метод основан на принципе затягивания кризиса и упрочения позиций лояльных международным игрокам сил, прежде чем они попытаются навязать решение, напоминающее до определенной степени приятие существующей де-факто ситуации.

На этом фоне имеет смысл вспомнить суждение бывшего посла Советского Союза в Вашингтоне Владимира Лукина, писавшего в 1983 году о центрах силы на Ближнем Востоке, в том числе о Саудовской Аравии и Иране. Это суждение не утратило актуальности и в настоящее время – Саудовская Аравия и Иран до сих пор являются ведущими региональными игроками, кроме того, высказанная тогда Лукиным точка зрения – это позиция советского дипломата в Вашингтоне, человека с советским менталитетом, располагавшего информацией, полученной из американских источников. Уже в то время, более тридцати лет назад, внешнеполи-

Мекка

тический курс Ирана был нацелен на то, чтобы играть роль регионального центра силы через распространение своего идеологического влияния в арабском регионе в целом и в странах Залива в частности. Лукин писал об Иране: «Абсолютно очевидно решительное намерение политического руководства в Тегеране порвать с прошлым в том, что касается внешней политики периода, предшествовавшего исламской революции». Это подтверждают и слова министра иностранных дел Ирана Али Акбара Вилайати, произнесенные в феврале 1980 г.: «Мы не будем заниматься “экспортом революции” с помощью пушек, но мы можем осуществить такой экспорт, транслируя нашу культуру и духовные ценности». Приведенное высказывание подтверждает, что Иран в своем стремлении играть роль регионального центра силы сразу после свержения шахского режима делал ставку на идеологический фактор, компенсируя тем самым ослабление роли военного фактора.

Мысль о том, что религиозный фактор не будет в долгосрочной перспективе фактором притяжения для других государств и народов, более того, он вызовет отторжение, требует осмысления. Подобная тенденция стала проявляться в отдельных аспектах взаимодействия на международной арене с саудовской теократической монархией.

Эта иранская стратегия стала применяться в таких странах региона, как Сирия, Ливан, Йемен, наряду с пропагандой шиизма в Заливе.

По поводу Саудовской Аравии, еще одного фактора силы в регионе, Лукин писал: «Период основания Саудовского государства королем Абдель Азизом, когда Эр-Рияд стал руководить Аравийским полуостровом, прошел под знаком властителя, который управлял международными делами и проводил в жизнь свои проекты, руководствуясь положениями ислама и шариата». Иными словами идеологический фактор предопределил не только те основы, на которых было создано современное Саудовское государство, но и его влияние в регионе. Этот же фактор присутствует сейчас

во внешнеполитическом курсе Ирана, стремящегося играть роль регионального центра силы.

Примечательно и другое замечание Лукина о саудовском внешнеполитическом курсе: «В конечном итоге можно сказать, что магистральное направление внешней политики Саудовской Аравии — это ее считающаяся традиционной лояльность Западу и особенно США. В свою очередь, благодаря крупным нефтяным доходам, возросла роль Саудовской Аравии для Соединенных Штатов и проводимой ими ближневосточной политики. <...> Однако Соединенные Штаты отлично понимают, что Саудовская Аравия не может быть единственным фактором, обеспечивающим американскую гегемонию на

Ближнем Востоке, даже если бы Эр-Рияд продолжал действовать в тесном сотрудничестве с Западом. Саудовская Аравия не в состоянии стать «региональным полицейским», на которого можно положиться». Обращение Лукина к религиозному фактору и его роли в определении внешне- и внутривластного курса Саудовской Аравии, а также высказанная им мысль, что «религиозный фактор не будет в долгосрочной перспективе фактором притяжения для других государств и народов, более того, он вызовет отторжение», требуют осмысления. Подобная тенденция стала проявляться в отдельных аспектах взаимодействия на международной арене с саудовской теократической монархией.

го режима королевства, будучи при этом взаимодополняющими. И если религиозный фактор — это тот краеугольный камень, на котором держится общественная и политическая структура государства, то племенной фактор поддерживает эту конструкцию и неотделим от религиозной составляющей. Этот фактор остается значимым и в настоящее время, когда племена являются главным составным элементом саудовского общества.

Выше отмечалось, что мнение Лукина важно по двум причинам. Во-первых, оно представляло собой взгляд дипломата из страны, которую с Саудовской Аравией на тот момент не связывали какие-либо отношения или общие интересы. Во-вторых, оценки Лукина — это интерпрета-

взаимопонимания и личного доверия между королем Абдаллой бен Абдель Азизом и президентом Владимиром Путиным. Между тем оба лидера способны создать атмосферу, располагающую к нахождению подхода к сирийской проблеме. Ведь гражданский конфликт существенно отличается от аналогичных по форме общественных противостояний в Египте, Тунисе, Ливии и Йемене. Существует и еще одна причина, вынуждающая саудовскую дипломатию действовать более активно в сирийском кризисе: зона этого конфликта граничит с Израилем, и поэтому США и Великобритания будут добиваться реализации сценариев и решений, выгодных Израилю, невзирая на национальные интересы других государств, в том числе даже и Саудовской Аравии — стратегического партнера Америки.

Позиция России, поддерживающей режим Башара Асада, непонятна, особенно если учитывать то упорство, с которым Москва продолжает поставлять оружие сирийскому лидеру — и тем самым ставить себя в позицию прямой конфронтации с арабским и исламским миром. Такая позиция России затрудняет взаимодействие с ней. Однако несмотря на это, взаимодействие с российской стороной стало бы важным шагом на пути мирного урегулирования сирийского кризиса при участии всех заинтересованных сторон — Дамаска, Ирана, ливанской организации Хезболла. В то же время полный отказ Саудовской Аравии от взаимодействия или даже от попытки налаживания такого взаимодействия с Москвой может подтолкнуть последнюю к более тесному сотрудничеству в этом вопросе с Америкой. И вот тогда-то новообразованная ситуационная коалиция Москвы и Ва-

Потребность в появлении Союза государств Персидского залива не ограничивается задачей обеспечить развитие стран Залива и противостоять амбициям Ирана. Эта потребность диктуется также изменившейся конъюнктурой мировой экономики — набирающей обороты революцией в энергетической отрасли в связи с освоением сланцевых нефти и газа.

Наряду с религиозным фактором Лукин указывал на племенной аспект и его важную роль как гаранта стабильности правящего режима в королевстве. По словам бывшего советского посла в США, «крупные племена» Саудовской Аравии связаны с правителями этой страны «родственными отношениями, кровными узами», что позволяет объединить тех и других разветвленной сетью общих интересов и взаимной выгоды. Кроме этого, племена способны ощущать угрозы, которые могут поставить под удар все саудовское общество в случае, если будет нарушена стабильность действующих институтов.

То есть два основных фактора — религиозный и племенной — являются, по мнению советского дипломата, опорой правяще-

ция политической ситуации, наблюдаемой из Вашингтона, где на тот момент работал посол.

Взгляд Лукина представлял собой попытку еще тридцать лет назад рассматривать ситуацию в регионе как взаимодействие таких центров силы, влияющих на протекающие здесь процессы, как Иран, Россия и Америка, и других влиятельных игроков — например, Турции и Египта. Использование подобной оптики применительно к нынешней ситуации позволяет сделать следующие выводы.

Исходя из саудовской стратегии безопасности и оценивая возможные риски в свете исхода конфликта в Сирии, можно заключить, что и Россия, и Саудовская Аравия не задействовали потенциала

шингтона уже не станет ориентироваться ни на Саудовскую Аравию, ни на Залив в целом, но будет учитывать интересы Израиля, с одной стороны, и Ирана как союзника России — с другой. Интересы же других стран региона в расчет приниматься не будут. О том, что такой сценарий имеет все шансы реализоваться на практике, свидетельствуют итоги майского визита государственного секретаря США Джона Керри в Москву и июньского саммита «Большой восьмерки» в Северной Ирландии — никакого консолидированного решения о судьбе президента Сирии Башара Асада так и не было принято.

В складывающейся ситуации следует указать на две позиции американской стороны по вопросу о региональной безопасности в Заливе.

Если религиозный фактор — это тот краеугольный камень, на котором держится общественная и политическая структура государства, то племенной фактор поддерживает эту конструкцию и неотделим от религиозной составляющей.

Первая позиция — это отношение США к иранскому ядерному досяе. В середине первого президентского срока Барака Обамы Америка усиленно намекала на возможное военное решение иранской проблемы, чем будоражила политические круги и средства массовой информации в Заливе. Но внезапно за несколько месяцев до президентских выборов Соединенные Штаты объявили, что видят путь к решению иранской проблемы исключительно в политическом урегулировании проблемы. Следует отметить, что Америка изменила свою установку после того,

как спровоцировала нагнетание атмосферы противостояния между арабскими странами Залива и Ираном — по крайней мере в СМИ.

Вторая позиция — политика Вашингтона по разрешению сирийского кризиса. Первоначально неколебимая установка российской дипломатии, поддерживающей Дамаск, встретила решительное неприятие у Вашингтона по соображениям прежде всего гуманизма, а затем и исламской этики, так как последняя отвечала воле сирийского народа, пусть даже по формальным признакам. Однако внезапно американская сторона,

Король Абдалла ибн Абдель Азиз Аль Сауд

Саудовская Аравия занимает влиятельную позицию в Организации исламского сотрудничества как некий центр тяжести, консолидирующий вокруг себя исламский мир, что с момента основания Саудовского государства являлось отличительной чертой проводимой им внешней политики.

преодолевая прежние противоречия, переориентируется на поиск взаимопонимания и координации с Россией, чтобы создать, как представляется, некий фундамент для взаимопонимания, устраивающий союзников обеих держав — Иран и Израиль. Так, на вторую международную конференцию по Сирии в Женеве («Женева-2») оказывается приглашенным Иран. После этого нет уже никакой ясности в том, каким образом США собираются обеспечивать интересы сирийского народа и безопасность стран региона, в особенности Залива.

Переменчивая и неоднозначная политика Америки по обобщим указанным вопросам приводит к необходимости отвечать на региональные изменения, ориентируясь на волю к переменам и самостоятельное

управление этими переменами, а также исходя из национальных интересов стран Залива.

Это требует от нас пересмотреть политическое и информационное взаимодействие с Турцией и Египтом как проводниками влияния определенных сил. Кроме того, эти страны сами вступили в период перемен и преобразований, сходных по общему направлению и с точки зрения реализуемых национальных интересов. Если взаимодействие с Каиром и Анкарой на политическом уровне осуществляется в значительной степени в верном направлении, то информационное освещение происходящих там событий остается в существенной мере ошибочным, подрывающим позитивное восприятие этих стран в

нашем обществе и провоцирующим проявления вражды, что не идет на благо нашим национальным интересам. Так, при информационном освещении (по крайней мере, рассчитанном на страны Залива и собственно на Саудовскую Аравию) происходящих в Египте и Турции событий умалчивается правда о внутренней ситуации в этих странах. Между тем мы должны учитывать наши общие с этими странами интересы, принимать меры по налаживанию доверия, преодолению разногласий, порождающих массу спорных точек зрения. Средства массовой информации обязаны руководствоваться национальной политикой и учитывать национальные интересы — и это никоим образом не противоречит их свободе. Никакая свобода не должна пере-

секать эту границу. На этом фоне вполне оправданным будет вопрос, почему голос Турции умолк после визита госсекретаря США в Москву и почему именно в это время в Стамбуле вспыхнули народные демонстрации в поддержку атактуркизма.

На фоне всех перемен, произошедших в Заливе, для поддержания безопасности в этом регионе следует признать Иран основной силой, вмешивающейся в сирийский конфликт изнутри с целью реализации собственной стратегии, вынашиваемой на протяжении трех с лишним десятилетий. Эта стратегия опирается на распространение шиизма и создание многочисленных конфликтных очагов путем насаждения шиитской идеологии в Йемене (юг Аравии), поддержания шиитского иранского присутствия в Ираке и Ливане (север Аравии) и разжигания недовольства среди шиитов в странах Залива. Опасность состоит еще и в том, что американская сторона смирилась с поправлением демократии и проиранскими шиитскими настроениями в Ираке, где власть сосредоточена в руках премьер-министра Нури аль-Малики, возглавившего правительство вопреки конституции, после того как он потерпел поражение на последних выборах. Аль-Малики продолжает руководить страной при американской поддержке, которая уже повлекла за собой гибель миллиона иракцев под предлогом установления в стране демократии.

В сложившейся ситуации логично ожидать выработки Россией, Западом в целом и Америкой в частности некоего совместного сценария действий в регионе. Все это заставляет активно искать ответы на региональные изменения, протекающие в направлении воли к переменам и управления таки-

ми переменами. Ответы вырисовываются сразу по нескольким направлениям.

Первое направление — исламский трек. Взаимодействие на этом направлении может осуществляться через Организацию исламского сотрудничества (ОИС), особенно учитывая, что Саудовская Аравия занимает в этой организации влиятельную позицию как некий центр тяжести, консолидирующий вокруг себя исламский мир, что с момента основания Саудовского государства являлось отличительной чертой проводимой им внешней политики. Саудовское королевство защищает общеисламские интересы и соблюдает значительную часть своих обязательств перед международными организациями. Происходящие в регионе изменения лежат прежде всего в исламской плоскости и затрагивают стратегическую безопасность королевства. Поэтому ОИС должна на уровне глав исламских государств выработать четкую рабочую позицию относительно происходящих в Сирии и регионе в целом событий. Одновременно главам МИД стран-членов ОИС следует постоянно предпринимать практические — политические и военные — меры, которые противостояли бы усилиям по поддержке сирийского режима, и шаги, направленные на выработку дорожной карты по урегулированию кризиса и предотвращению его разрастания во времени и пространстве.

Второе направление — региональное — в свете планируемого создания Союза государств Персидского залива. Сирийский конфликт и ощущение нависшей над регионом угрозы обосновывают важную роль такого союза в деле противостояния этим вызовам и заставляют его будущих участников ускорить шаги по формированию такой организации, с

тем чтобы она стала влиятельной силой в регионе в политическом, военном и экономическом отношениях. Потребность в появлении союза не ограничивается задачей обеспечить развитие стран Залива и противостоять неизменным амбициям Ирана. Она также вызвана необходимостью активно влиять на преобразования в регионе и арабском мире в целом, руководствуясь общими интересами. Эта потребность диктуется также и изменившейся конъюнктурой интересов мировой экономики на Ближнем Востоке за последние десять лет. Имеется в виду набирающая обороты революция в энергетической отрасли в связи с освоением сланцевых нефти и газа, которые должны во многом изменить мировую экономику.

Третье направление касается непосредственно Саудовской

Аравии. Королевство переживает фундаментальную модернизацию. Воля к переменам и обновлению — естественная потребность любого общества, стремящегося к развитию, росту и сохранению молодого духа. Но велико различие между обновлением и его имитацией. Подлинное обновление — это развивающаяся мысль и сила ее носителя. Имитация обновления — это легкомысленное отношение к реальности, которую нельзя лишить составляющих ее фундамент элементов, заменив их чем-то новым. Изменения не будут идти в верном направлении, если они зародились вне общественной мысли, вне структуры самого общества, поскольку невозможно экспортировать такого рода идеи, навязывать их обществу, где они не были рождены, без учета ценностей, концептуальных приоритетов и поведенческих моделей, действующих в этом обществе.

Саудовская Аравия переживает фундаментальную модернизацию. Воля к переменам и обновлению — естественная потребность любого общества. Но велико различие между обновлением и его имитацией. Подлинное обновление — это развивающаяся мысль и сила ее носителя. Имитация обновления — это легкомысленное отношение к реальности, которую нельзя лишить составляющих ее фундамент элементов, заменив их чем-то новым.

Аравии. Королевство переживает фундаментальную модернизацию. Происходящие в нем изменения, с одной стороны, отвечают потребностям внутреннего развития. С другой стороны, они вызваны международными и региональными факторами. В подобной ситуации массовое стремление к переменам переплетается в общественных настроениях с теми или иными индивидуальными побуждениями. Складывается непростая ситуация, которая заставляет строго придерживаться выбранного курса, в особенности при решении социальных проблем, затрагивающих как частные, так и общественные интересы. Воля к перемене-

Все это подтверждает значимость гражданских институтов и осуществляемого ими контроля для ограничения колебаний общественной мысли и разобщения мнений, для направления общественного мнения в русло совместной созидательной работы, не нарушающей святость принципов общественного устройства. Если будут ослаблены узы, связывающие народ с его корнями, это приведет к разобщению нации, размыванию национальной идентичности и лояльности государству. Все это будет подменено другими связями, стремлениями и побуждениями.

Перевод с арабского